

Виктор РОЗОВ

Жеравный БОЙ.

(Продолжение. См. «Учительскую газету» № 2).

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Был я сильный, был я решительный... Боюсь.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Чего? ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Ее боюсь...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Какая чепуха!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Дети... они, понимаешь... нежные очень... нажал, значит, потуже... и переломил! Вроде и по-твоему вышло, да потом сам не рад... Да и уж человек она... выросла... Конечно, ежели родитель умный, то знает... А я не умный родитель, нет... Твой-то братеньник меня сейчас сыном моим попрекнул. И ведь прав. Сам он плох, мясник-то твой, но прав. Никуда не денешься. Я ведь чего тут опасуюсь: — она девушка у меня хорошая, чистая, ясная... А он-то как себя ведет? Вот в чем дело... Парни теперь разные пошли, сукиных детей много, им ведь чужая молодая жизнь что — так, футбол, хоккей, кино панорамное... Я уж про себя так решил: если он собака и подлец, подстерегу его и шкуру с него спущу... Да,

не меньше вашего. Славик попал в университет, учиться сейчас трудно, программа колоссальная, требования огромные, рассеиваться и отвлекаться совершенно немыслимо...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (не понимая): Да уж чего хорошего. Моей тоже о работе надо бы думать...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Вот, вот... Очень рада, что вы меня понимаете.

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Как же, с парнем относительно этого страха, конечно, меньше, а все же...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Надо им эти совместные ночные гуляния прекратить...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да, да... (Вдруг сообразил). Погодите, да... С кем?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да, да... (Вдруг сообразил). Погодите, да... С кем?

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Губато у вас не дура. Обрадовались! Стыд уж совсем потеряли. Двоих сыновей сгубили, так теперь и дочь сквозь пальцы пропускаете!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Я вам говорю: не будет этого. Я Константина Тимофеевича из командировки вызову. Я в райком комсомола пойду. Я в ваш райсобес жаловаться буду — вас персональной пенсии лишат... дождетесь!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Погодите... Зачем все это, зачем?! ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Мой Славя должен сейчас об учебе думать. Вы знаете, что ему сам профессор Свиридов будущее предсказывал!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да ведь жизнь-то, она тоже свои науки преподает... Не ломайте вы их, подождите... Были бы какие лоботрясы — я бы первый усилия делал... А теперь-то зачем?! Нехорошо это, не деликатно...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я ночь спать не буду, а сегодня же все это прекращу.

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Тамара Тимофеевна, вы не горчитесь, не надо. Все человеческие глупости сгоряча делались, известно это.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я понимаю, почему вы обрадовались.

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да я же и не скрываю! Я за Святослава вашего больше чем за нас с вами вместе ручаюсь. Чувство, значит, у него настоящее, высокое, большое...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: К кому чувство?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: К Лизе, разумеется, к моей Лизе.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Нет у него чувства! Нет! Никакого нет! И не будет!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Десять тысяч хотите?!

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА (опешив): Чего?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Десять, говорю, тысяч хотите? Все, что у меня есть, все мои сбережения, трудовые, честные. Все отдаю, мне не надо. Десять тысяч двести семьдесят два рубля на сберкнижке...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Вы что, с ума сошли!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да ведь я чего боюсь — нанесете вы им удар сгоряча... Озlobите...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я уж, извините, без вас как-нибудь своим умом обойдусь. Неужели вы не понимаете, что я никогда не разрешу Славе дружить с вашей Лизой!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да почему, почему, Тамара Тимофеевна?

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Вы что, ничего сами не соображаете?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Покаяния не имею.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

по голове ударили, в приятном, конечно, смысле...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я не понимаю, что вы радуетесь?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Так ведь как же!.. Все, значит, у них хорошо... чистое это, значит, светлое, золотое!.. Я ведь Святослава вашего на хороший счет ставлю...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА (установившись на Григория Степановича, вдруг зло): Не будет этого! Не будет этого! Не будет этого!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Чего? ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Ничего!.. Ничего не будет! Ничего!.. Но-но-но-но! (Энергично машет пальцем перед носом Григория Степановича).

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да подожди, Тамара Тимофеевна...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Губато у вас не дура. Обрадовались! Стыд уж совсем потеряли. Двоих сыновей сгубили, так теперь и дочь сквозь пальцы пропускаете!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Я вам говорю: не будет этого. Я Константина Тимофеевича из командировки вызову. Я в райком комсомола пойду. Я в ваш райсобес жаловаться буду — вас персональной пенсии лишат... дождетесь!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Погодите... Зачем все это, зачем?! ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Мой Славя должен сейчас об учебе думать. Вы знаете, что ему сам профессор Свиридов будущее предсказывал!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да ведь жизнь-то, она тоже свои науки преподает... Не ломайте вы их, подождите... Были бы какие лоботрясы — я бы первый усилия делал... А теперь-то зачем?! Нехорошо это, не деликатно...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я ночь спать не буду, а сегодня же все это прекращу.

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Тамара Тимофеевна, вы не горчитесь, не надо. Все человеческие глупости сгоряча делались, известно это.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я понимаю, почему вы обрадовались.

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да я же и не скрываю! Я за Святослава вашего больше чем за нас с вами вместе ручаюсь. Чувство, значит, у него настоящее, высокое, большое...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: К кому чувство?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: К Лизе, разумеется, к моей Лизе.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Нет у него чувства! Нет! Никакого нет! И не будет!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Десять тысяч хотите?!

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА (опешив): Чего?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Десять, говорю, тысяч хотите? Все, что у меня есть, все мои сбережения, трудовые, честные. Все отдаю, мне не надо. Десять тысяч двести семьдесят два рубля на сберкнижке...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Вы что, с ума сошли!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да ведь я чего боюсь — нанесете вы им удар сгоряча... Озlobите...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я уж, извините, без вас как-нибудь своим умом обойдусь. Неужели вы не понимаете, что я никогда не разрешу Славе дружить с вашей Лизой!

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Да почему, почему, Тамара Тимофеевна?

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Вы что, ничего сами не соображаете?

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ: Покаяния не имею.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Да потому, что Лиза ваша... Вы уж меня извините, но ваша Лиза...

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ (резко): Тихо!.. Тихо!.. Вон оно что!.. Ладно, ладно!..

тебя смотрела — злит тебя это или не злит...

СЛАВА: Помнишь, я попросил у тебя тетрадку по литературе, урок переписать?

ЛИЗА: Да, да, я еще удивилась: ты — и вдруг переписать!..

СЛАВА: Будешь смеяться?

ЛИЗА: Что?

СЛАВА: Я целовал твою тетрадку. Я люблю тебя!..

ЛИЗА: Скажи еще раз.

СЛАВА: Я люблю тебя.

ЛИЗА: Еще!

СЛАВА: Я люблю тебя.

ЛИЗА: Еще, еще, еще!

СЛАВА: Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя!..

ЛИЗА (чуть не плача): Перестань, перестань... Сегодня двадцать четвертое августа.

СЛАВА: Сегодня двадцать четвертое августа. И я буду любить тебя всегда — ты это знай.

ЛИЗА: Представь себе, я тебе верю. Именно тебе верю... Я бы никому на свете не поверила, кроме тебя.

СЛАВА: Почему?

ЛИЗА: Чувствую!

СЛАВА: Лиза...

ЛИЗА (пожав, что он сейчас попросит поцелуя): Ну, до свидания!

СЛАВА: До свидания!

ЛИЗА: А наши все спят!

СЛАВА: Тихо!

ЛИЗА: Пока.

СЛАВА: Пока.

СЛАВА: Стоят молча. В это время в одном из окон дома зажегся свет.

ЛИЗА: Кто-то у вас проснулся.

СЛАВА: Странно. А!.. Это может быть дядя Роман... Он, говорят, даже среди ночи просыпается, есть просит...

СЛАВА: Пойдем до Москвы.

ЛИЗА: Пойдем. Как светает-то! А?

СЛАВА: Я впервые около дома утро встречаю.

ЛИЗА: А вообще?..

СЛАВА: На целине в прошлом году. Помнишь, мы уехали...

Ушли. Свет в доме погас, и на крыльцо вышли Тамара Тимофеевна, Тихон Тимофеевич, Верочка, Роман Тимофеевич, Антонина Васильевна.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Оставьте вы меня в покое! Я работал весь день, как черт, устал... Не хочу я о нем даже слышать — нет его для меня!

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Тихо, тихо, Роман!

ВЕРОЧКА: Тамара Тимофеевна, милая, не устраивайте вы этой глупой засады! Поверьте мне, как учительнице, у них в этом возрасте вырабатываются свои вкусы, привычки, взгляды, суждения, пусть иногда наивные, — но мы не имеем права со всем этим не считаться! Надо быть умнее!

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Ты нас за дур не считай! Ты книгами учена, а мы — жизнью. Еще была бы какая путная, а то Лизка Галкина!..

ВЕРОЧКА: Ну и что особенного! Девушка славная, хорошенькая...

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Хорошенькие-то самые подколенные и есть.

ВЕРОЧКА: Ну, уж я думаю, вы при нем таких замечаний делать не будете.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Конечно, нет! Зачем же! Мы с ним дипломатично, на самом высшем уровне разведем! По-английски говорить будем!

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Роман, не дури!

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Я ему устрою массовую вылазку!

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Иди в дом, спи.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Нет уж, — теперь я разгулялся. Я устрою...

ВЕРОЧКА: Тамара Тимофеевна, я вас предупреждаю — может произойти что-нибудь плохое, неоправданное.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: А ты не пугай, как-нибудь без тебя с ним справимся. Константин нам спасибо скажет, а не тебе.

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Тамара, Верочка говорит правду — прекрати этот балаган. Чего ты хочешь?

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я не хочу, чтобы он водился с Лизой.

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Это не в твоих силах сделать.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА (зло): Да? Ты думаешь?

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ (упрямо): Это ни в чьих силах сделать.

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Ты что тут, особо уполномоченный товарища Амура?

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Да! Давайте говорить прямо: вы всеми силами противились моему браку с Верочкой. Что вы только ни делали! И чего добились? Чуть не в конец испортили наши отношения.

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Да, уж ты за нее, как тигр, кидался! Мы думали — не того ли ты, не свихнулся ли. Тебе родственные отношения что? — чепуха!

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: А я тебе и открыто говорю: для меня родственные, товарищеские, дружеские или какие иные отношения перестают существовать, когда кто-нибудь хотя бы делает только попытку втоптать в грязь что-либо хорошее!

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Но с моими желаниями и он и ты обязаны считаться. Я воспитала его.

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: А разве кто-нибудь из нас не скажет тебе за нашего Славку спасибо?! Только давай уж и тут начистоту — ты одевала его, поила, кормила, следила, чистил ли он зубы и ботинки, моет ли шею и уши, пообедал ли вовремя и вкусно ли, — все это ты делала безукоризненно и умно... Но воспитала его не ты одна... Понимаешь?.. Да и, кроме того, воспитать ребенка здоровым — дело, бесспорно, важнейшее, но вырастить его здоровым духовно, нравственно, пожалуй, еще важнее!

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Разве он был плох?

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Он и теперь хорош! Так будь и ты умна до конца. В тебе говорит нехорошее чувство собственника, Тамара.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Не говори ерунды!

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Помешался на своей политике!

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Да, да... В чем-то я тебя даже оправдываю. Твоя личная жизнь сложилась неважно, и волей-неволей смысл ее сосредоточился на Славе, отними его у тебя, и ты очутишься в пустоте...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Все-таки у меня еще есть работа.

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Принимать заказы в ателье — это не та работа, Тамара, которая становится смыслом жизни. В свое время ты могла бы риснуть на большее... Смотри, не потеряй для себя Святослава!..

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: А я тебе говорю одно: с исконок веков дети подчинялись старшим.

ВЕРОЧКА: Но с исконок же веков дети не подчиняются старшим.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Это паршивые дети.

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Не всегда. (Сестре). Происходит самая естественная вещь, а ты мечешься, как угорелая, кричишь, готова наделать не только глупости, но и гадости...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Какая естественная вещь, какая?..

ТИХОН ТИМОФЕЕВИЧ: Святослав мужает, растет.

(Окончание следует).

Григорий Степанович: Жизни ты не знаешь.. Она, жизнь-то, строга—внимания требует... соблюдения правил...

Слава: Я за Лизу ручаюсь.

Григорий Степанович: Ты? (Подошел к Славе, похлопал его по плечу.) Успокоить хочешь... Ладно... Иди... Гуляй!..

(Ушел. Слава прошел в дом. В это время выходят Тамара Тимофеевна, Верочка, Антонина Васильевна, Тихон Тимофеевич, Роман Тимофеевич.)

Верочка: Оставьте его в покое хотя бы сегодня! Роман Тимофеевич, вы были с ним так, мягко говоря, резки...

Антонина Васильевна: Ты, Веруня, в нашей семье человек новый и уж свои отметки нам не расставляй. Покойная жена Тихона, Елена...

Тихон Тимофеевич: А ты, Антонина, я живой моей жене отдавай должное.

Антонина Васильевна: Уж очень она у тебя молода, неопытна...

Верочка: Пусть так, но я преподаю и в чем-то лучше вашего знаю молодежь...

Роман Тимофеевич: Ну его к черту, этого Славку — из-за всякой дряни еще сорваться будем. Садитесь к столу, я уже опять проголодался. Свой желудок я после смерти ученым завещаю — пусть его изучают; так перемальвает! Жернова в нем, что ли, крутятся!.. (Хохочет.)

(Все рассаживаются вокруг стола.)

Тихон Тимофеевич: За Славкины успехи с удовольствием выпью. Жаль, Константина нет. Тамара, зови Святослава.

(Но Слава сам быстро выходит из дома.)

Тамара Тимофеевна: Славик, иди к столу.

Слава: Тетя Тамара!

Тамара Тимофеевна: Что тебе? (Подошла к Славику.)

Слава: Дайте мне ключ от входной двери.

Тамара Тимофеевна: Что?

Слава: Я сейчас ухожу.

Тамара Тимофеевна: Куда?

Слава: Мне надо.

Тамара Тимофеевна: Куда, я тебя спрашиваю? (Слава молчит.)

(Всем): Можете полюбоваться на племянника — он, видите ли, куда-то собрался и даже не хочет сесть с нами за стол.

Слава: Я могу... минут на пять...

Тамара Тимофеевна: Нет уж, нам такого великодушного одолжения не надо! Ты останешься дома — и все!

Антонина Васильевна: Мы же, Слава, празднуем твою победу! Дела — они подождут...

Тамара Тимофеевна: Он еще ключ от входной двери потребовал.

Слава: Тетя!

Тихон Тимофеевич: Слава, ну посиди с нами пяток минут — потом пойдешь!

Роман Тимофеевич: А я не хочу! Подумай, одолжение от какого-то сопляка!

Верочка: Роман Тимофеевич, так нельзя!

Антонина Васильевна: А ты, Веруня, уж если сама влюблена, как кошка, то помолчи... Не порти молодежь.

Роман Тимофеевич (Тамаре Тимофеевне): Хочешь, чтобы он остался?

Тамара Тимофеевна: Да.

Роман Тимофеевич (вылез из-за стола,

подошел к Славе): Ты что, думаешь, на тебя, героя, управы нет? (Взял Славу за руку, сжал ее.) Понял?!

Слава: Этот способ воздействия, дядя Рома, — самый рискованный, учитите.

Тамара Тимофеевна: Роман, отпусти его! (Роман Тимофеевич отпустил Славу.)

Роман Тимофеевич: В университет еще такого приняли! На целину тебя надо, на Ангару, на Енисей...

Тихон Тимофеевич: Уж говори прямо — на каторгу.

Слава: До свидания.

(Ему ответили только Тихон Тимофеевич и Верочка. Слава ушел.)

Роман Тимофеевич: Да... Как говорят у нас на бойне, — был бычок!

Антонина Васильевна: Уж за успехи такого шампанского не проглотишь.

(За забором появляется соседка.)

Соседка: Пропала козочка!.. Пропала! Под электричку проклятую попала — люди добрые видели!.. (Плачет. Вдруг злобно.) Понастроили всякой своей дурацкой техники — машины, электрички, самолеты, вертолеты, на Луну собираются, а все равно толку нет! (Плачет, упав на забор.)

Тихон Тимофеевич: Вот и угоди людям! Один всю жизнь, действительно, к чему только не стремится — и на Луну, и на Марс, смысл жизни ищет, а другой — всю жизнь ищет свою козу.

(За забором показался Григорий Степанович.)

Тамара Тимофеевна: Еще этот... тут торчит!..

Григорий Степанович (к Мите, который, стоя на крыльце, слушал всю сцену): Митюха! Она тебе даже краем слова не обмолвилась, куда пошла?

Митя: Нет.

Григорий Степанович: Ну, что ты будешь с ней делать! Уж два раза домой приходила!.. Два раза!..

Тамара Тимофеевна: Кто? Лиза?!

Григорий Степанович: Она!

Тамара Тимофеевна: Два раза!.. Лиза!.. Этого только не хватало!

Григорий Степанович: Уж чего хуже, чего! (Ушел к себе.)

Тамара Тимофеевна: Вот уж чему не бывать, так не бывать! Вот уж чего не будет, так не будет, вот уж чего не допущу, так не допущу!..

Митя: Тамара Тимофеевна, вы думаете...

Верочка: А все-таки за Славку надо выпить, товарищи! Надо! (Поднимает бокал шампанского.) Кто присоединяется?

(Все одновременно.)

Тамара Тимофеевна (про себя): Ну, до чего глупый, до чего глупый! Надо же так ничего не понимать в людях!..

Митя (пытаясь достучаться до сознания Тамары Тимофеевны): Это совсем не то, что вы думаете! Не то!

Роман Тимофеевич (про себя и в то же время всем): Бандит растет!.. В оборот его надо взять, да как следует!.. Бандит растет!..

Антонина Васильевна (так же): Воображенья-то сколько! А? Глазами-то как ошетинился! А? Видели?

(Тихон Тимофеевич чокается с Верочкой.)

Занавес